Благородная супруга Су

Ли Хун Мин очень быстро получил от подчиненных информацию о Цзин Вань. Узнав, что эта девушка не дочь из первой ветви, а всего лишь из второй, он несколько разочаровался. Тем не менее, ее единственную из всех внуков, кроме четвертой ветви семьи Ло, намеренно оставили рядом с Ло лаофужэнь. Невооруженным взглядом видно, как глубоко пожилая дама любила внучку. Даже если политическая ценность брака с ней не так высока, в будущем, возможно, получится использовать эту особу как-то иначе.

Ло Пэй Шань в настоящее время занимал должность главного министра обрядов, невысока позиция. Но Ли Хун Мин знал, что способности этого старика неплохи, просто удачи не хватало. Иначе он давно уже сидел бы в кресле главного военного министра.

Главный министр по назначениям стареет, в прошлом году он много раз брал отпуск по болезни, вполне возможно, что на этот раз уйдет со своего поста после хуэйши. Они с братьями вели закулисную борьбу, чтобы протолкнуть на эту должность своих людей. Однако прямо сейчас у него не было подходящего кандидата. Ли Хун Мин даже думал подтолкнуть наверх кого-то из нейтральной фракции, тем самым прикрепив к этому человеку свой ярлык. Мысленно он одного за другим перебрал всех способных людей и обнаружил, что Ло Пэй Шань действительно очень хороший кандидат. После того, как продвинет этого старика, он женится на барышне из семьи Ло в качестве своей цэфэй и в основном привяжет Ло Пэй Шаня к себе.

Пока Ли Хун Мин обдумывал все это, его настроение все улучшалось. Он рассматривал возможность того, что другие братья примут такое же решение, но считал, что, как только сделает ход, никто больше не сможет вмешаться.

Сегодня обошлось без утренней аудиенции у императора, но необходимые дела еще нужно было сделать, так что Ли Хун Мин сначала отправился в ямэнь министерства доходов. Как сын императора, титулованный циньван, там он работал только временно и мало о чем должен заботиться лично. Единственное, что ему нужно сделать, — это детально разузнать ситуацию в министерстве доходов. В конце концов, даже с благородным статусом некоторых вещей он касаться не мог. Так что приходилось медленно перетягивать людей на свою сторону, медленно разбираться в ситуации и действовать исподволь.

Закончив с делами в министерстве доходов, Ли Хун Мин вошел во дворец и направился к благородной супруге Су.

Рядом с матерью можно расслабиться, а это большая редкость. Усевшись на свое место, он стал выглядеть несколько ленивым.

Хотя у него не имелось бесподобной внешности Ли Хун Юаня, он все равно обладал выдающимися красотой, грацией и изяществом. Даже одетый неофициально, Ли Хун Мин не испытывал недостатка в манерах, ведь он — сын императора. Про него можно было даже сказать, что у него "грация дракона и осанка феникса" — преисполненный величия и изящества вид.

— Мин эр, в последнее время Юань эр вел себя ужасно, кроме того, это продолжается довольно долго, кто его спровоцировал? — Су гуфэй, одетая в широкое платье, сидела в главном зале дворца Юй Цуй. Ее чуть опущенный взгляд контрастировал с приподнятыми уголками глаз, она выглядела исключительно изящно и беззаботно. Женщина рассеянно теребила пальцы с тщательно подстриженными, длинными ногтями, даже не накрашенными лаком, а оставленными без покрытия. Ей уже сорок с лишним лет, но время не оставило на теле никаких следов, особенно это касалось изящных ладоней с гладкими кончиками пальцев.

— Кто знает, — то, что благородная супруга Су спрашивала о человеке, которого он ненавидел, вызывало недовольство. Ли Хун Мин не мог удержаться от того, чтобы не показать свое равнодушие и незаинтересованность.

Су гуйфэй взглянула на сына:

— Твой императорский отец запретил ему входить во дворец, поэтому муфэй не могла его видеть. Ты как старший брат, естественно, должен больше заботиться о младшем. Когда покинешь дворец, поедешь и проверишь его.

— Да кто он… — его ленивая поза несколько задеревенела, и он вскинулся, повысив голос.

— Мин эр… — прервала его благородная супруга Су. Ее обычно нежный голос и ласковый взгляд стали намного резче.

Ли Хун Мин встретился с ней глазами. Надменность его сразу же исчезла, и он несколько неестественно отвернул голову. Не хотелось признавать, но он почитал и боялся эту женщину, родившую и вырастившую его, эту женщину, которая баловала его и ругала. Кроме того, не хотелось признавать, что прямо сейчас в сердце уже взрослого мужчины все еще жил этот страх.

— Мин эр, по отношению к тебе и Юань эру я всегда была беспристрастна. Не жди, что просто потому, что он не выполз из моего живота, я буду неравнодушна к тебе. Я воспитывала его с тех пор, как он был совсем крохой. На мой взгляд, он такой же, как и ты. Ты уже создал семью, у тебя есть жена и дочери. Ты же не маленькая девочка, чтобы так ревновать. Откуда столько зависти? — благородная супруга Су мягко улыбнулась. — Когда покинешь дворец, поедешь и проверишь его, ты меня понял?

Ли Хун Мин какое-то время пристально смотрел на Су гуйфэй, а потом собрался с мыслями и, как скромный и уступчивый человек, с идеальной нежной улыбкой ответил:

— Хорошо.

Затем мать и сын весело и гармонично разговаривали о каких-то других вещах, время от времени тихо смеясь. Атмосфера казалась очень хорошей.

Все фрейлины чувствовали, что благородная супруга Су, как и ожидалось, нежная и добрая мать. Даже если она тайно не на жизнь, а на смерть сражалась с императрицей и другими женами и наложницами императора, это не могло стереть тот факт, что она все еще лучшая мать внутреннего дворца. Чего только стоило то, что крайне порочный, безжалостно-холодный и неуправляемый Цзинь циньван, который иногда даже осмеливался спорить с его величеством, был послушен своей приемной матери.

— Во второй половине дня позволь Лю-Ши привести моих двух внучек во дворец.

Лю-Ши, о которой говорила Су гуйфэй, была ванфэй Жуй циньвана. Ли Хун Мин кивнул:

— Хорошо.

— Как поживает Цянь-Ши? — тихо спросила благородная супруга Су.

Ли Хун Мин посмотрел на Су гуфэй, рассеянно потягивавшую чай, и прикрыл глаза:

— С ней все хорошо.

Его циньванфэй нежна и добродетельна, она обеспечивала Цянь-Ши всем, что той было необходимо. Кроме того, рядом всегда дежурили женщины-доктора. И каждые три дня в ванфу приглашали императорского врача для проверки пульса беременной. Не было никаких тревог, из-за которых она могла бы плохо себя почувствовать. Неважно, с какой иронией он относился к себе, он никогда не показывал этого.

— Если она родит мальчика, планирует ли Лю-Ши воспитать его сама или назначить Цян-Ши цэфэй?

Цянь-Ши все еще была младшей наложницей, поэтому, естественно, не обладала тем статусом, который мог бы ей позволить вырастить императорского внука самостоятельно.

— И то, и другое.

Благородная супруга Су неожиданно взглянула на собственного сына. Сын Цянь-Ши будет отдан циньванфэй для воспитания, а сама она станет цэфэй. Тогда во внутреннем дворе Жуй ванфу все будет спокойно.

— Хорошо, что ты все решил сам. Что ж, муфэй больше не будет тебя удерживать здесь, можешь покинуть дворец пораньше.

— Тогда этот сын прощается.

Ли Хун Мин вышел из парадных ворот дворца Юй Цуй и медленно выдохнул. Это место расслабляло, но одновременно и подавляло. Что успокаивало, так это то, что ему не приходилось скрывать свои планы и расчеты, а источник его подавленности был прекрасно понятен и без слов.

Даже если все его хорошее настроение улетучилось, Ли Хун Мин все еще был культурным и утонченным Ли Хун Мином, относившимся с уважением к мудрецам и милостиво — к образованным людям. Просто, думая о том, что надо увидеться с этой сволочью, он задыхался. Так или иначе, даже он не мог себе позволить обидеть этого демона, дезорганизующего мир!

Возможно, для того, чтобы перестать задыхаться или чтобы как можно позже встретить эту сволочь, Ли Хун Мин сознательно замедлил шаг и со стороны выглядел теперь более достойно и благородно. Кто знает, сколько фрейлин он заставил покраснеть? Даже те, кто не шел тем же путем, что и он, все разворачивались и "случайно" натыкались на него, чтобы сказать: "Приветствую, Жуй циньван".

Ли Хун Мин потерял счет, сколько раз сказал: "Оставьте церемонии". Каждый раз, говоря это, он раздражался и в тайне желал, чтобы всех этих людей сразу же утащили куда-нибудь и избили до смерти. К сожалению, он не Ли Хун Юань. В такие мгновения Ли Хун Мин до смерти завидовал человеку, которого всегда презирал. Всякий раз, когда у Ли Хун Юаня плохое настроение, он просто пинает всех, кто попадается на глаза, и не только не страдает от каких-либо последствий, но его, как великого предка, уговаривают успокоиться. Он, Ли Хун Мин, мог только изредка наслаждаться таким освежающим чувством. Дойди это до ушей императорского отца, пожалуй, его образ может разрушиться.

Он не мог не ускорить шаги. Даже если эта сволочь разозлит его настолько, что у него разболится печень, он все еще оставался сыном его императорского отца. Злиться на него все же лучше, чем раздражаться на здешнюю челядь.

Ли Хун Мин прибыл в Цзинь циньванфу, но, пребывая в плохом настроении и убедившись, что Ли Хун Юань дома, не стал ждать, когда его объявят, и пошел напролом. Охрана, естественно, не посмела воспрепятствовать ему. Но челядь Цзинь циньванфу обладала проницательностью и, разумеется, доложила о его прибытии еще до того, как Ли Хун Мин смог войти.

Ли Хун Юань находился в одном из павильонов сада за домом: лежа на диване, пил выдержанное вино. В воздухе витали звуки цинь и флейты, а среди сотен цветов двигались очаровательные танцовщицы. Всю эту обстановку в целом можно было описать так: жить как во хмелю и умереть как во сне. Короче говоря, живая иллюстрация бесцельного существования, когда живешь только сегодняшним днем. Сказать, что Ли Хун Мин не завидовал, было бы ложью. Но в его циньванфу не было даже актерской труппы, не говоря уже о таких талантливых и бесподобно красивых служанках со столь изысканными формами. Не то чтобы он не мог себе их позволить. В сущности, это просто проблема образа.

Ли Хун Мин несколько агрессивно вошел в павильон. Но, когда увидел пьяный и затуманенный взгляд Ли Хун Юаня, его озлобленность неосознанно улетучилась. Независимо от того, насколько плоха репутация этого братца, если бы те благородные молодые барышни видели его

сейчас, кто знает, сколько из них потеряло бы души от восторга? К сожалению, в глазах этого ублюдка не было даже его тени. Он его полностью проигнорировал. Ли Хун Мин через силу улыбнулся:

— Шестой брат, а ты умеешь наслаждаться жизнью.

Он не рассчитывал на то, что тот встанет и поприветствует его. Ли Хун Мин сел рядом и, не отнекиваясь, позволил евнуху Му налить чашу хорошего вина. Если он напьется здесь, то это станет заслугой его хорошего шестого брата.

http://tl.rulate.ru/book/19909/756280